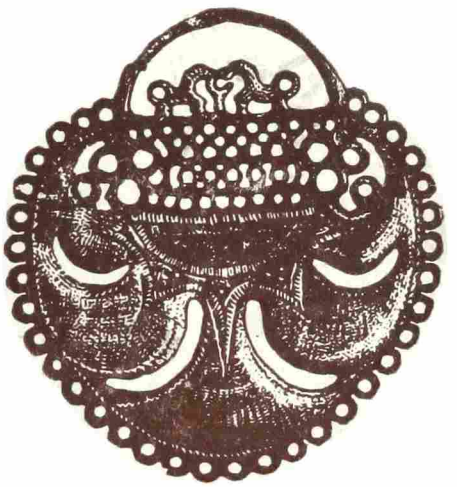
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1
1977

В. И. САРИАНИДИ

ПАМЯТНИКИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ БАКТРИИ

Открытие и исследование Советско-Афганской археологической экспедицией архитектурных памятников Бактрии II—I тысячелетий до н. э. представляет большой интерес с точки зрения развития древней архитектуры Передней Азии.

Монументальная архитектура эпохи бронзы. Два наиболее древних здания раскопаны в пункте Дашлы-3; одно из них, условно обозначенное как «круглое здание», частично уже опубликовано [1], так что ниже дается общая характеристика вновь раскопанного участка. Кратко отметим, что центральную часть всего сооружения составляло круглое здание с девятью башенками, входы которых ведут в обводную галерею (рис. 1). Внутри располагаются прямоугольные помещения, часть которых имеет суфы, а интерьеры украшены фигурными нишами. Культовое назначение их (рис. 2) подчеркивается наличием двухчастных очагов на кирпичных платформах, по-видимому, алтарей; как правило, следы обожжения имеются лишь в одном отделении. В ходе раскопок установлено, что на месте круглого здания находился естественный бугор, возвышающийся на 70—80 *см* над окружающей поверхностью. На его верху располагались центральные помещения 1, 2, 3, 6. Показательна их стратиграфия: все они сохранили два уровня полов, толщина слоя между которыми в среднем около 50 *см*. Этот слой состоит из кусков разложившегося кирпича, небольших горизонтальных зольников. В помещении 1 (п. 1) наиболее ранний пол сохранил ямки, впущенные в материк, сплошь заполненные угольками и сожженными костями животных. В центре комнаты 2 обнаружена огромная яма глубиной до 145 *см*, вырытая, видимо, позднее, так как сами стены не нарушены. Она заполнена угольками, красными кусками печины и обломками сырцового кирпича вперемешку с мелкими фрагментами керамики. Между первым и вторым полом этого помещения из ямки-лунки был взят уголь на радиоуглеродное определение, давший дату 3060±70 или 1110±70 до н. э. Показательно, что самые ранние полы сохранили ямки-лунки, заполненные золой и сожженными костями мелких рогатых животных, причем обнаружены они и под суфами, которые, таким образом, были возведены позднее на уровне вторых полов. Очевидно, что в первый период круглое здание имело более простую планировку, но наличие ямок на уровне обоих полов подчеркивает устойчивость ритуалов, предполагаемых культовых обрядов. На полу помещения 3 также выявлено несколько ямок-лунок, заполненных угольками и мелкими костями животных, сожженных «на стороне» и лишь затем засыпанных в лунки.

Круглое здание с башенками составляет лишь центральное ядро, вокруг которого широким поясом, и опять-таки по кругу, располагается

[1] *В. И. Сарианиди.* Бактрия в эпоху бронзы. СА, 1974, 4, стр. 54—57, рис. 5.

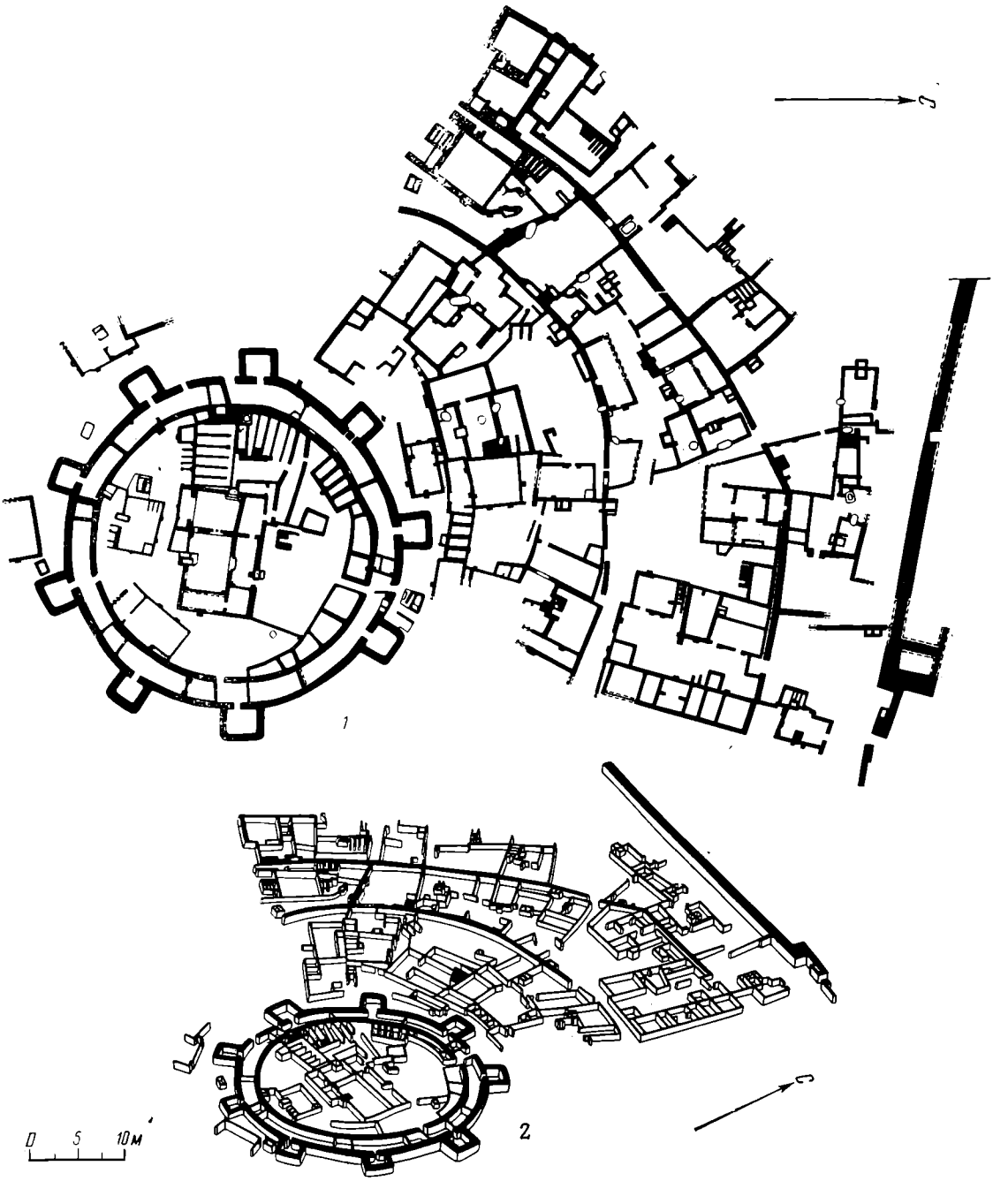


Рис. 1. Дашлы-3. Круглый храм: *1* — план раскопанной части; 2 — аксонометрия

серия помещений бесспорно бытового назначения, нередко сохранивших вкопанные в полы хумы, пристенные кухонные очаги, хозяйственные отсеки. Первое кольцо составляют помещения 21—35; 67—76; 107—108. Более широко вскрыта раскопками архитектура второго кольца, где выделяется несколько, возможно обособленных, жилых микрокомплексов. Один из них (п. 36—54, 112) сохранил помещения различного назначения, группирующиеся вокруг вытянутого внутреннего двора (п. 37). В одной комнате имеется кухонный очаг (п. 49), в другой (п. 37) — вкопанные хумы. Видимо, к этому же массиву относится серия помещений (51—54, 112), возможно, пристроенных несколько позднее. Вместе с тем показательно, что это не был наглухо изолированный и полностью отграниченный комплекс: наоборот, три широких прохода ведут в смежные комп-

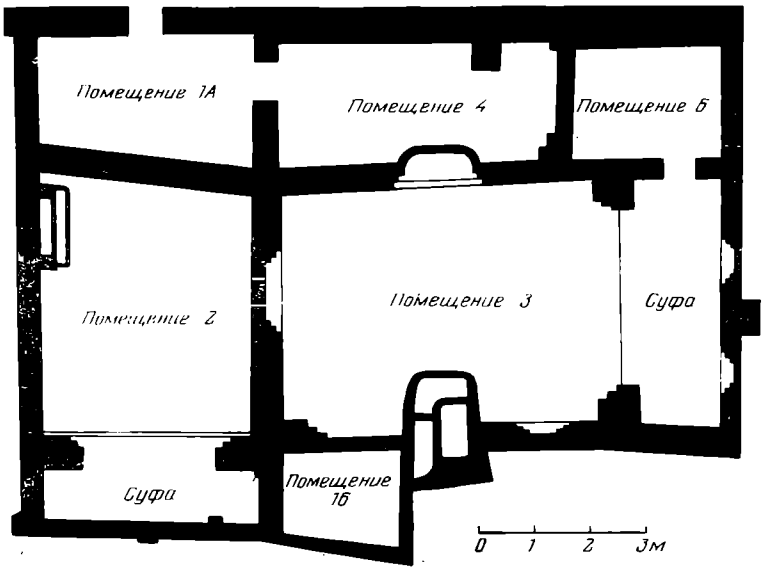


Рис. 2. Дашлы-3. Круглый храм. Культовый комплекс

лексы. Так, один проход ведет в помещение 105, по-видимому, двор, вокруг которого в свою очередь группируются помещения 95—110, составляющие следующий жилой комплекс. Здесь также имеются хозяйственные комнаты с хумами (п. 104) и двойными, явно бытовыми кухонными очагами (п. 95, 96, 103).

Строения третьего кольца помещений вскрыты частично, но и здесь как будто намечаются отдельные жилые комплексы (п. 55—64, 113; возможно, п. 76—89), полностью не раскопанные. Все вскрытые комнаты обнаруживают следы многочисленных и неоднократных перестроек, а внутреннее заполнение их состоит из обычных мусорно-зольных остатков, столь характерных для бытовых поселений. По внешнему фасу идет широкая, а главное прямая стена, у основания которой местами расчищен ров. Можно предполагать, что весь этот архитектурный комплекс был заключен в мощный кирпичный обвод, дающий в плане гигантский квадрат (130—150 *м* в стороне), у основания которого, возможно, проходил глубокий ров, наполненный водой. Центральное, круглое здание играло сакральную роль: здесь происходили культовые церемонии и располагались помещения специального назначения. Особого интереса заслуживает находка в помещении 10 каменного сосудика в форме почки; подобные изделия определяются как ритуальные, предназначенные для гадания [2]. Иное впечатление производит планировка построек, располагавшихся далее по периферии вокруг центральной части, где проживали обитатели, связанные с самим храмом. Это могли быть жрецы, храмовые служки — короче, лица, так или иначе принимавшие участие в его обслуживании; с другой стороны, если учесть огромные размеры жилой части сравнительно с культовой, создается впечатление, что большая его часть была населена рядовыми общинниками. Это в какой-то степени напоминает храмовое хозяйство передовых центров Древнего Востока. Сходное назначение предполагается для так называемого овального храма в Хафадже, где между двумя кольцами овальных в плане стен могли находиться дома священников; близкую картину дает храм Шара в Телл Аграбе, где и святилища, и дома служек объединены и обнесены вокруг широкой стеной. Хотя трудно судить о конкретном характере самих обрядов, отметим, что ритуальные трапезы, по-видимому, играли в них едва ли не

[2] Подробнее см. *E. During Caspers.* Some Motifs as Evidence for Martime Contact between Sumer and the Indus Valley. Persica, V, 1970—1971, p. 113.

основную роль. Вспомним также, что в передовых центрах древневосточного мира рядом с храмами нередко устраивались обширные «кухни», являвшиеся «важной частью храма», где совершали жертвоприношения богам [3], причем в месопотамских «кухнях» сохранились тексты, упоминающие «вечерние и утренние трапезы». Думается, что до определенной степени сходные обряды, тесно связанные с жертвенными трапезами (в основном мелкого рогатого скота), распространены были в Бактрии в эпоху бронзы.

Судя по той роли, которую играл огонь, а также по общему архитектурному принципу, кажется, что это мог быть храм огня, так как сооружения в виде круга имели сакральное значение у многих народов мира. В целом же храм на Дашлы-3 (рис. 3) выступает как бесспорно общественное, культовое сооружение, предназначенное для всех обитателей дашлинского оазиса. Наиболее характерная черта общего планировочного принципа заключается в максимальной замкнутости, стремлении отгородиться от внешнего мира. Налицо та стадия развития культовых зданий, когда храм превращается в сакральное, уединенное место, в котором обитало божество; применительно к Дашлы-3 этому назначению больше всего соответствует центральная часть круглого здания.

Если обратиться к культовой архитектуре ранней Месопотамии, то наиболее характерными признаками является отчленение сакральных построек от рядовых зданий и особая техника отделки помещений [4]. Так, показательна планировка храма Иштарь, когда центральные помещения отделяются от остальных специальными фигурными пилястрами в оформлении интерьеров [5], а также наличием приподнятых суф, которые нередко определяются как подиумы. Все эти признаки полностью приложимы к помещениям 1, 2, 3 круглого здания, причем показательна их общая планировка, состоящая из прямоугольного вытянутого помещения, заканчивающегося поперечной возвышенной суфой. Если обратиться к месопотамским материалам, и в особенности к раскопкам в Уруке, то увидим, что в пору Урук IV храм «С» отличает симметричный план и трехчленная целла, состоящая из центральной комнаты, заканчивающейся двумя меньшими, но поперечными комнатами. Налицо близкое сходство в решении планировочных принципов, дополняемое декоративными пилястрами. Все эти признаки продолжаются в культовой архитектуре Месопотамии и в пору Урук III — Джемдет Наср, а возможно, и позднее, что сокращает существующий хронологический разрыв с бактрийской архитектурой. Если обратиться к общим аналогиям, то сравнительные данные предоставляют опять-таки преимущественно месопотамские сооружения, как, например, «овальный храм» в Хафадже, где, как полагают, круглая стена отделяет сакральную часть от внешнего мира [6], что прямо перекликается с назначением обводной галереи с башенками на Дашлы-3. Еще более показателен так называемый круглый дом, встреченный в Тепе-Гавра, в центре которого располагаются прямоугольные помещения, определяемые как святилища. Круглая обводная стена имеет один проход, причем прилегающая архитектура лишь частично соприкасается с ней [7]. Еще более убедительные, а главное детализированные черты сходства обнаруживают центральный и северный храмы слоя Гавра XIII: прямоугольные в плане и декорированные внутри уступчатыми пилястрами, образующими фигурные ниши-простенки. Особенно важно отметить, что оба храма, имея принципиально сходную планировку, расположены

[3] *Л. Вулли.* Ур халдеев. М., 1961, стр. 110.

[4] *G. Gullini.* Struttura e Spazio nell' Architettura Mesopotamica Arcaica. «Mesopotamia», vol. V—VI, 1970—1971. Torino, p. 200.

[5] *A. Parrot.* Les Temples d'Ishtar et de Minni-Zaza, Institut Français d'Archéologie de Beyrouth, Bibliothéque Archéologique et Historique, t. LXXXVI. Paris, 1967, pl. III.

[6] *A. Moortgat.* The Art of Ancient Mesopotamia. London — New York, 1969, p. 20, fig. 16.

[7] *A. Tobler.* Excavations at Tepe Gawra, vol. II, 1950, p. 17—22, pl. VI.

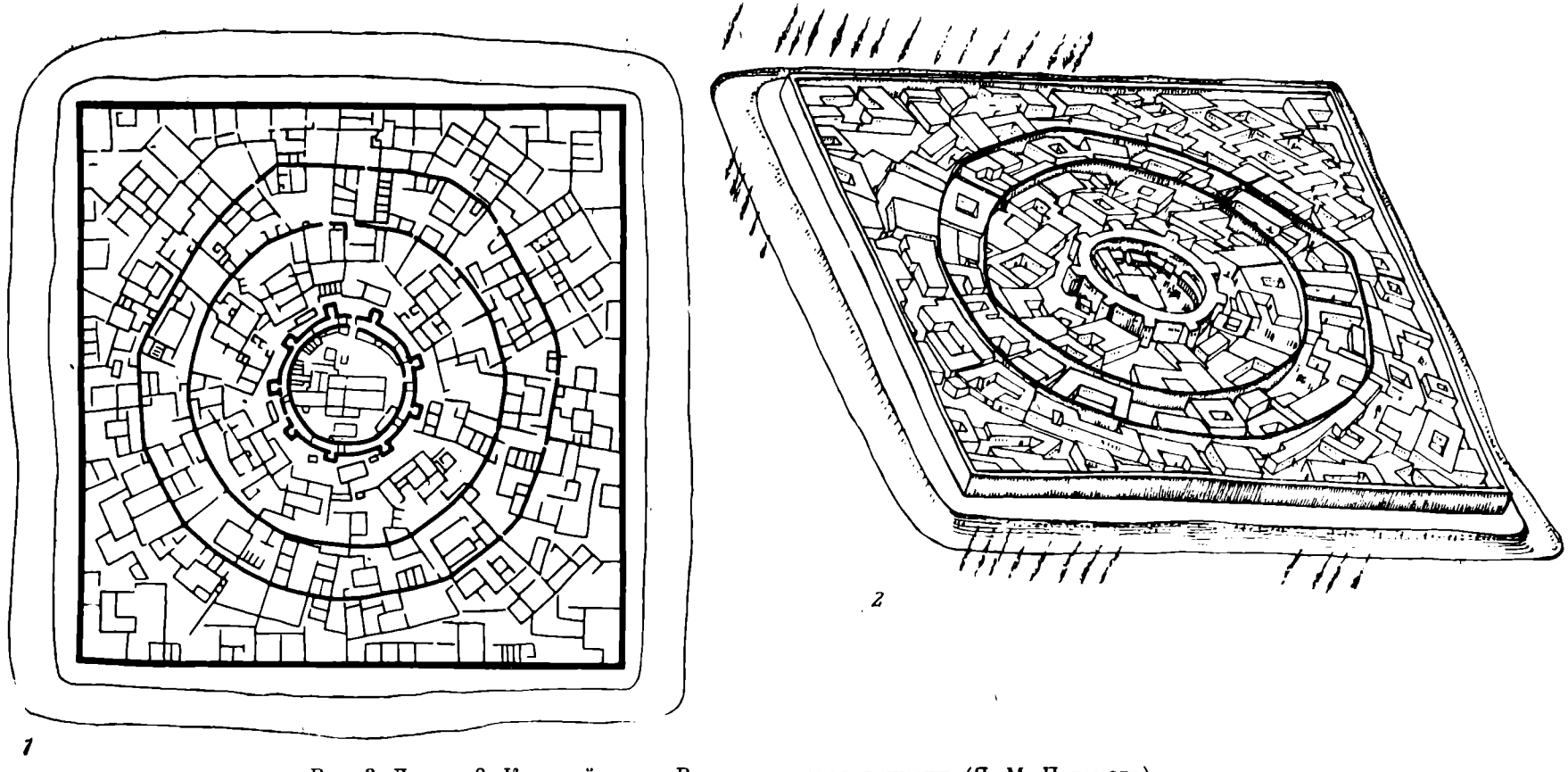


Рис. 3. Дашлы-3. Круглый храм. Варианты реконструкции (Я. М. Паромова)

перпендикулярно друг к другу [8], близко напоминая аналогичную картину в расположении помещений 2 и 3 круглого храма на Дашлы-3. Если исходить из общих планировочных принципов (круг, лежащий в основе всего плана) и архитектурных решений (декорировка интерьеров фигурными пилястрами), то следует признать, что круглый храм на Дашлы-3 ближе всего культовым зданиям Северной Месопотамии. Вместе с тем не следует и преувеличивать эти аналогии, учитывая большой хронологический, а главное территориальный разрыв, когда на промежуточной территории располагается такая обширная страна, как древний Иран, где открытие монументальной архитектуры на широких площадях является делом будущего.

В настоящее время имеется полная сводка К. Шиппмана по иранским храмам огня, где с завидной тщательностью собраны все известные сведения, касающиеся этого вопроса [9]. Из всех памятников, возможно, культового назначения, по мнению автора, лишь Нуши Джан (VIII—VII вв. до н. э.) и, может быть, Дахани Гуламан (VI—V вв. до н. э.) могут быть сопоставлены с храмами огня [10], но и в таком случае они относятся к несравненно более позднему времени, чем бактрийский. На холме Нуши Джан выявлен архитектурный комплекс, включающий западное здание, форт и храм огня [11]. Если сравнить общий план известных культовых сооружений Бактрии, Месопотамии и Ирана, то следует отметить большую близость с религиозными зданиями Месопотамии, чем Ирана: по существу лишь функциональное назначение роднит между собой Дашлы-3 и Нуши Джан.

Второе монументальное сооружение, условно обозначенное как дворец, было выявлено в том же пункте Дашлы-3. Здесь в первый (основной) период по единому архитектурному плану было возведено монументальное здание с общими размерами 88×84 *м* и центральным внутренним двором размером 40×38 *м* (рис. 4, *1*). Во второй (промежуточный) период дворец перестает существовать, а в восточной части двора возводятся обычные жилые и хозяйственные помещения рядовых общинников (рис. 4, *2*). Наконец, в третий (последний) период на руинах дворца, но в пределах внутреннего двора складывается небольшое периферийное поселение (рис. 4, *3*). Видимо, существовал еще один строительный горизонт, но к моменту раскопок он оказался практически полностью разрушенным в результате процессов дефляции.

Рассматриваемое монументальное здание возведено из сырцового кирпича (размером 52×24×10 *см*), стены покрыты глиняной штукатуркой желтоватого цвета. Отличительной чертой является чрезвычайно большое количество пилястр (в ряде случаев ступенчатых), особенно по внешнему фасу, которые выполняли как конструктивную роль в виде контрфорсов, так и декоративную — в общем оформлении всего здания. В ряде случаев, особенно в коридорах, сохранились «осевшие» перекрытия, с бесспорностью свидетельствуя о знакомстве бактрийских строителей с техникой возведения ложных сводов.

Центральную часть всего сооружения составляет внутренний двор, по четырем сторонам которого располагается хотя и сложная, но однотипная планировка (рис. 6). В центре каждого из четырех фасов устроен длинный Т-образный коридор, по обе стороны которого располагаются по одному обширному помещению типа залов, в которые в свою очередь вписаны Г-образные помещения. Общая планировка всех четырех фасов построена на принципе симметрии и взаимного абсолютного сходства;

---

[8] *E. A. Speiser.* Three Reports on the Joint Assyrian Expedition, BASOR, № 66. Baghdad, 1937, p. 4—6.

[9] *K. Schippman.* Die Iranischen Feuerheiligtumer. Berlin, 1971.

[10] *K. Schippman.* Op. cit., p. 55, 437.

[11] *M. Roaf and D. Stronach.* Tepe Nush-i Jan, 1970 Second Interim Report, IRAN, XI, 1973, p. 129—140.

некоторое отклонение от этой нормы представляет южный угол, где имеется предвратное сооружение, состоящее из трех вытянутых помещений (п. 45, 46, 47). Среднее из них (п. 46) сохранило внешний проход, на полу имеется узкая длинная канава, видимо, водосток.

Интересно, что внешние углы всего здания оформлены широкими поперечными соединительными стенами, нередко с проходами, в ряде случаев заложенными. Такие соединительные стенки, оформляющие внешние углы, хорошо прослежены в восточном (между п. 25 и 30, а также 42 и 43) и западном углах (между п. 13 и 15); лишь в северном углу, видимо, из-за просчета строителей помещения 42 и 32 смыкаются без стены-перемычки. По-видимому, помимо центрального входа имелись узкие проходы по углам всего здания, которые в случае необходимости наглухо закладывались кирпичами.

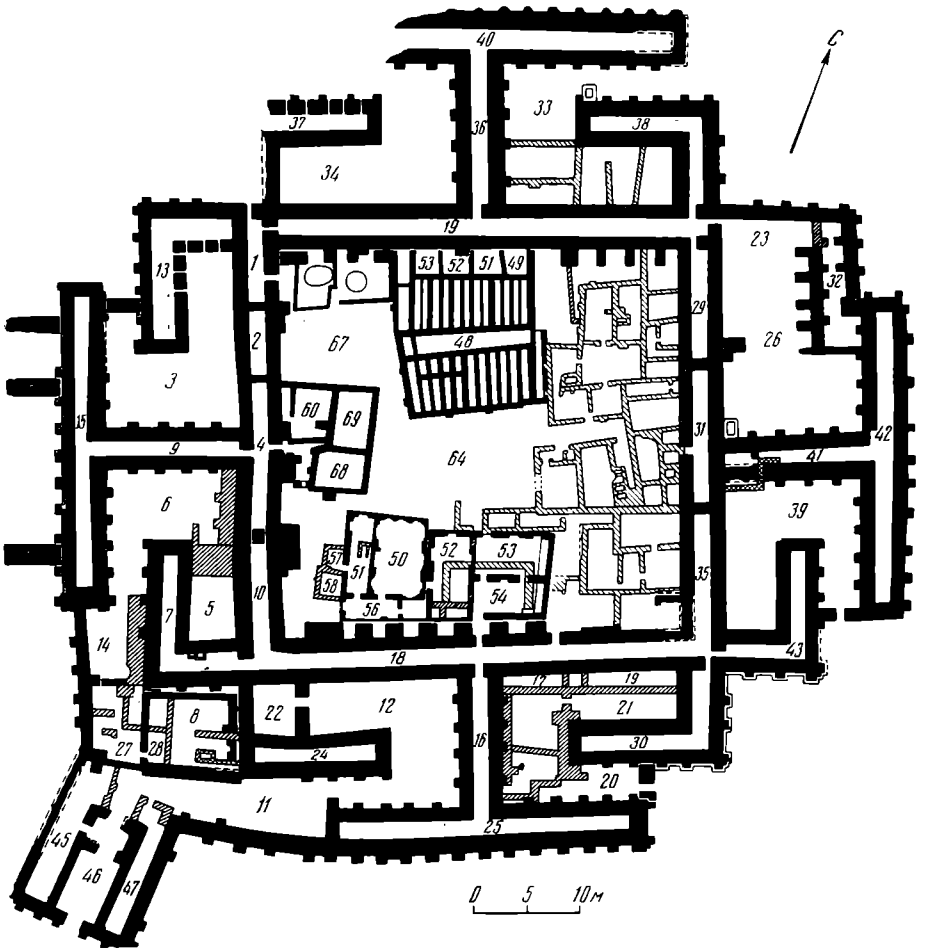
О многочисленных перестройках и ремонтах помимо встроенных стен-контрфорсов (как, например, в п. 6 и 5, 14 и др.) можно судить по трем контрфорсам, сохранившимся по внешнему фасу западной стены. Вдоль подошвы внешних стен проходил ров (достигающий местами 10-метровой ширины при глубине в 3 *м*), как бы отграничивший все здание от внешнего мира.

Почти квадратный внутренний двор окружен со всех четырех сторон обводным коридором. Посредине каждого обвода имелось по одному основному проходу, которому соответствовал проход, ведущий в Т-образные коридоры. В свою очередь из всех четырех углов обводного коридора имелись проходы, соответственно соединявшие его с Г-образными коридорами. В течение длительного периода существования комплекса некоторые из проходов закладывались и вместо них пробивались новые, как, например, проход в помещение 1.

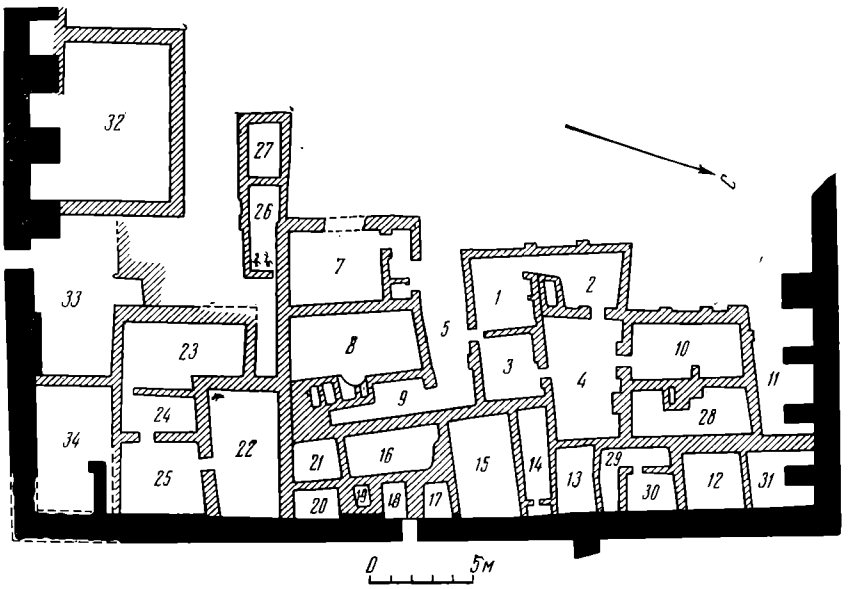
Внутри двора, преимущественно вдоль стен, располагаются несколько строительных микрокомплексов, имевших особое назначение. Так, южный микрокомплекс состоит из двух достаточно однотипных сооружений, но построенных последовательно. Наиболее ранний из них включает три помещения (52, 53, 54), среди которых помещение 54 играло роль своеобразного вестибюля. В него можно было попасть из обводного коридора и затем в соседние помещения 52 и 53, из которых в свою очередь вход ведет во внутренний двор. Первоначально обе эти смежные комнаты сообщались друг с другом двумя проходами, позднее оказавшимися заложенными. Выделяется помещение 52, по-видимому, центральное, с глубокими нишами и пристенной северной суфой, поверхность которой обожжена докрасна. В его западной стене имелся проход, оказавшийся застроенным при возведении следующего микрокомплекса, также включающего три помещения (50, 51, 55). Здесь имеется свой вестибюль (п. 55); два прохода из него ведут в смежные помещения, из которых п. 50 (рис. 4, *4*) является центральным.

Судя по стратиграфии, вначале это помещение имело простые стенные ниши, начинавшиеся на некоторой высоте от пола; сам пол состоял из глиняных промазок, нанесенных поверх нижележащей забутовки. Во второй период выстилается сплошной кирпичный пол, ниши украшаются фигурными «уголками», вдоль западной и северной стен пристраиваются суфы, у западной стены устраивается очаг-выкладка, слегка обожженный внутри. У его переднего бортика имеется специальное прямоугольное углубление в полу, заполненное угольками, но без следов воздействия огня. На полу ниш северной стены сохранились тонкие прослойки белой слежавшейся золы.

Уже в первый период в полу устраиваются крупные ямки, сплошь заполненные угольками и обожженными костями в основном мелкого рогатого скота вперемешку с краснообожженными кусочками кирпичной крошки или печины. Ямки-лунки как первого, так и второго периодов имеют аналогичное заполнение, но сами не несут следов воздействия



1



2

Первый (основной) строительный период

Второй (промежуточный) строительный период

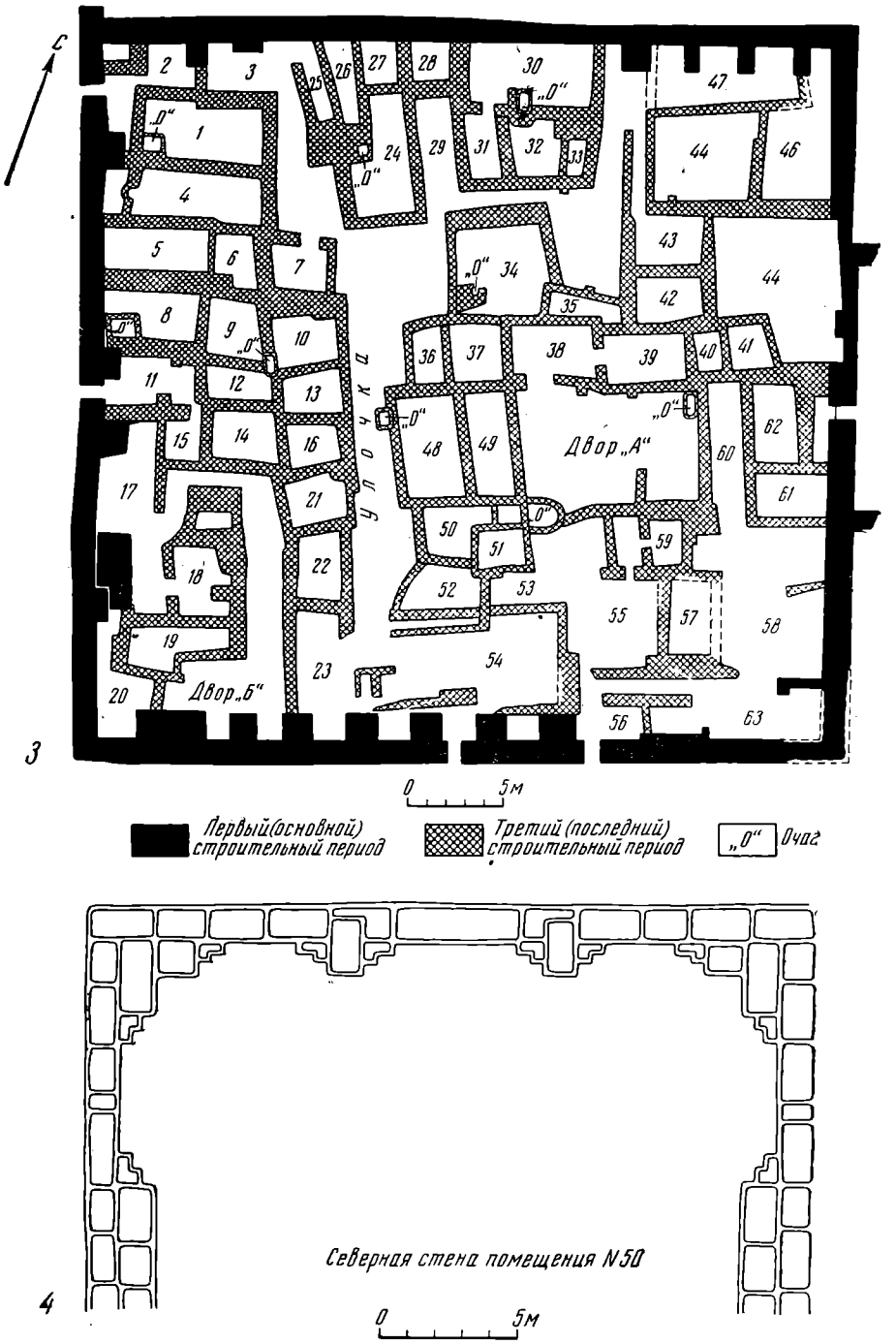


Рис. 4. Дашлы-3. Дворец: *1* — общий план; *2* — план второго строительного горизонта; *3* — план третьего строительного горизонта; *4* — помещение 50 (деталь)

огня. Та же картина отмечалась и для центральных святилищ круглого храма, причем здесь можно поставить во взаимную связь очаг-выкладку, золу в нишах и заполнение ямок-лунок. (Отметим наличие двухчастной печи, возможно не случайно построенной в смежном помещении 51, хотя ее принадлежность к основному периоду остается не совсем ясной.) Ямки-лунки после заполнения каждый раз перекрывались полами, что отмечено и для круглого храма. Налицо прямые археологические факты, указывающие на ритуалы, в которых едва ли не первое место играли культовые сожжения животных. Все помещения южного микрокомплекса имеют полы, выстланные регулярной кладкой кирпича, а интерьеры их покрыты тонкоотмученной штукатуркой.

Следующий, западный микрокомплекс включает два помещения (59, 60); на их особое назначение могут указывать пристенные суфы в северной стене в п. 59 и 60 и, возможно, двухчастный очаг (п. 60).

У северного фаса располагается сооружение, от которого сохранились лишь фундаменты в виде неправильного прямоугольника, разделенного узким коридором (п. 48) на две части, каждая из которых состоит из серии чрезвычайно узких отсеков. Сверху отсеки перекрыты поставленными на ребро и наклоненными друг к другу кирпичами, образующими как бы двускатные крыши в миниатюре, поверх которых идет кирпичная вымостка, скорее всего служившая полом несохранившегося здания. Именно на этом полу встречены фрагменты составной наборной мозаики, по-видимому, от облицовки интерьеров каких-то парадных комнат. Назначение всего этого сооружения остается не совсем ясным; отметим лишь, что до сих пор в Афганистане существуют так называемые табахана — здания, под полом у которых устроена отопительная система, предназначенная для обогрева всех помещений. Наконец, восточный микрокомплекс, включает несколько частично сохранившихся помещений, в одном из которых (п. 1) имеется очаг-выкладка без следов воздействия огня, возможно указывающий на их особое назначение. Судя по косвенным данным, можно предполагать, что сначала была построена «табахана» и восточный микрокомплекс, несколько позднее — западный и в последнюю очередь — южный.

Оценивая в целом всю вскрытую планировку, следует отметить ее необычность; в этом отношении показательны чрезвычайно узкие Т-образные коридоры, где трудно пройти даже одному человеку. Создается впечатление, что они имели «ложный» характер, не несли никакой функциональной нагрузки, а являлись тем архитектурно-ритуальным каноном, который должен был неукоснительно присутствовать в монументальных зданиях подобного назначения. Организующим ядром здания являлся внутренний двор, который через обводные коридоры сообщался со всеми четырьмя фасами всего комплекса. Здесь у северной стены на месте «табахана», видимо, располагалась жилая застройка, отдельные парадные комнаты которой могли быть украшены наборной мозаикой (рис. 5). Микрокомплексы у западной, восточной и особенно южной стен двора скорее всего имели культовое назначение (храмики), на что указывает их в целом однотипная планировка: интерьеры, украшенные нишами, очаги-выкладки, ямки-лунки, суфы-возвышения, всегда устроенные вдоль северных стен [12]. Приведенные наблюдения дают основания определить исследуемый комплекс как здание дворцово-культового назначения (рис. 6), где могла обитать местная администрация, возможно совмещавшая одновременно и религиозные функции (рис. 7 и 8).

Обращаясь к сравнительным материалам, в первую очередь необходимо упомянуть храм и дворец Мундигак IV (Южный Афганистан), внеш-

[12] Судя по месопотамским материалам, небольшие храмики и святилища имелись почти в каждом доме. Ср. *И. М. Дьяконов.* Проблемы Вавилонского города II тысячелетия до н. э. Сб. «Древний Восток. Города и торговля». Ереван, 1973, стр. 61.

ние фасы которых декорированы пилястрами, либо полукруглыми, либо остроугольными в плане [13]. В цёлом же дворец Дашлы-3 ближе не к дворцу, а к храму Мундигака, где также имеется обводной коридор [14]. Наличие многочисленных пилястр по внешнему обводу стен так называемого храма на Алтын-депе [15] до определенной степени напоминает монументальную архитектуру Афганистана. Однако здесь сходство в значительной мере формальное. В этом плане еще более показательно чрезвычайно широкое использование пилястр в месопотамской архитектуре (в том числе ступенчатых), а также устройство ниш [16].

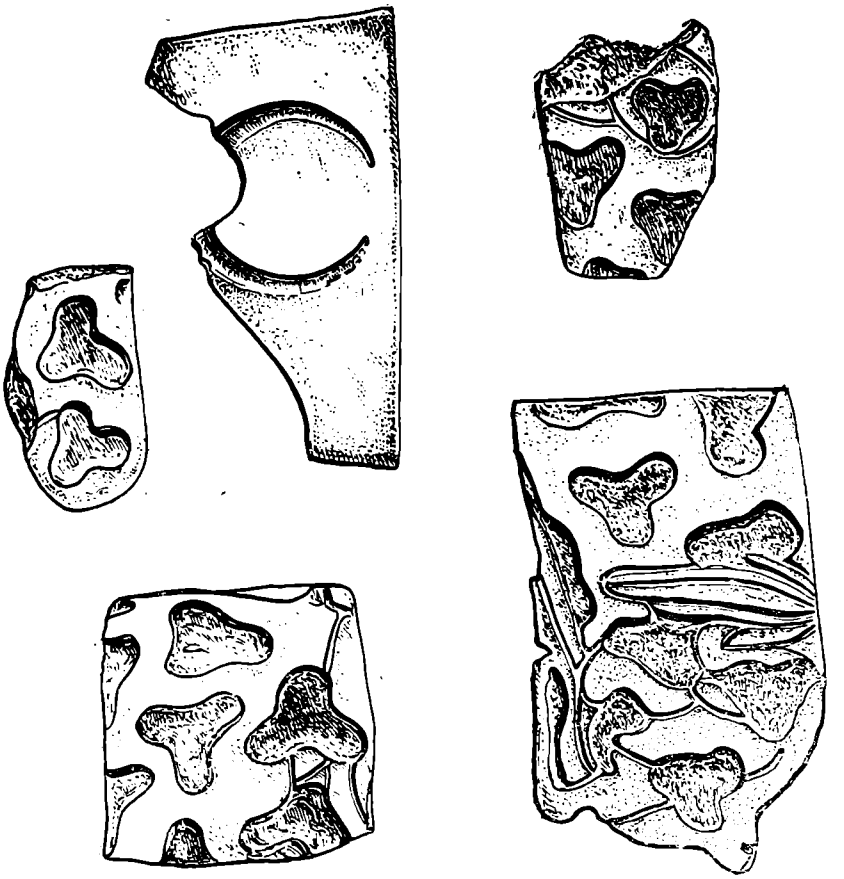


Рис. 5. Дашлы-3. Дворец. Фрагменты составной алебастровой мозаики

Первые бесспорные дворцы пока известны в Кише, где они состоят из внутреннего двора, застроенного с трех сторон необычно длинными комнатами, а с восточной — серией комнатушек [17], напоминая до определенной степени планировку двора во дворце на Дашлы-3. Взаимная перекличка отмечается и в наличии обводных коридоров, как, например, в храме Ашура [18]. Но особенно показателен план дворца в Агар Куфе (XII в. до н. э.), где внутри двора располагается возвышение, от которого отходят узкие отсеки, перекрытые сводами [19], что напоминает «таба-

[13] *I. M. Casal.* Fouilles de Mundigak..., fig. 24, 36.
[14] Ibid, fig. 36.
[15] *В. М. Массон.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад, 1970.
[16] *A. Moortagat.* The Art of Ancient Mesopotamia, London — New York, 1969, p. 2—18.
[17] *E. Mackay.* Sumerian Palace in Kish, v. II, pl. XXXVI, 1.
[18] *A. Mootgat.* Op. cit..., fig. 51.
[19] *T. Bagir.* Iraq Government Excavations at Agar Quf. Iraq, v. III, 1946. London, pl. VI—IX; *T. Bagir.* Iraq Government Excavations at Agar Quf. Iraq, 1945, Supplement, pl. XVI.

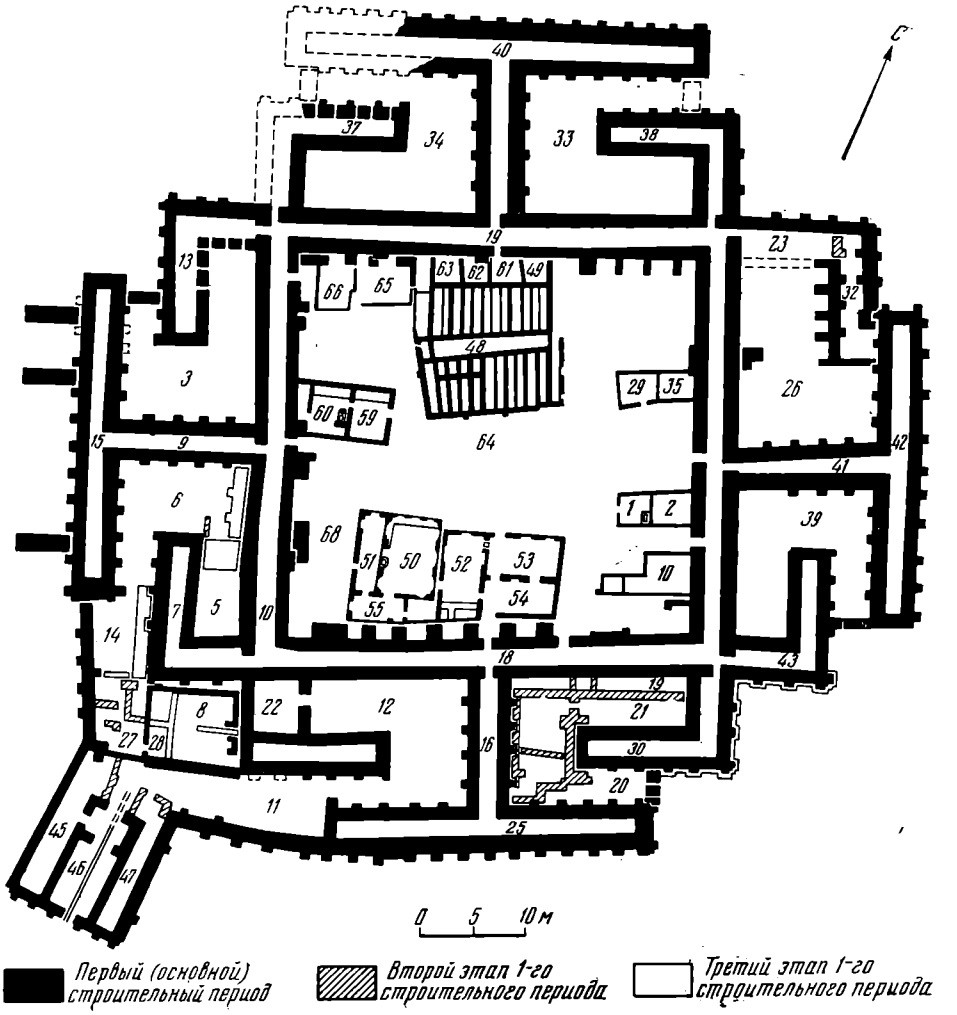


Рис. 6. Дашлы-3. Дворец, общий план

хана» с Дашлы-3. С другой стороны, показательно, что уже древнейшая монументальная архитектура Месопотамии, как, например, святилище в Телл Савван, имеет в плане форму Т-образного здания [20], причем этот принцип устойчиво выдерживается в Уруке VI—IV и Джемдет Насре [21], в связи с чем нельзя не вспомнить Т-образные коридоры сооружений с Дашлы-3. Отметим также, что в период Урук IV (3350—3150 гг. до н. э.) впервые появляются в месопотамской архитектуре сводчатые галереи, декоративные пилястры, а в раннединастический период — обширные дворы как организующий центр всего комплекса.

Уже эти лишь намечающиеся бактрийско-месопотамские параллели не оставляют сомнений в реальности общего сходства, что, однако, не исключает наличия таких сооружений и на промежуточной территории древнего Ирана. Косвенным свидетельством является архитектура Чоха Занбиль, где подножие зиккурата имеет обводные коридоры, фасированные пилястрами [22], но особенно показательна соответствующая архитектура в Персеполе (терраса) [23], дающая определенную перекличку как с востоком, так и западом.

---

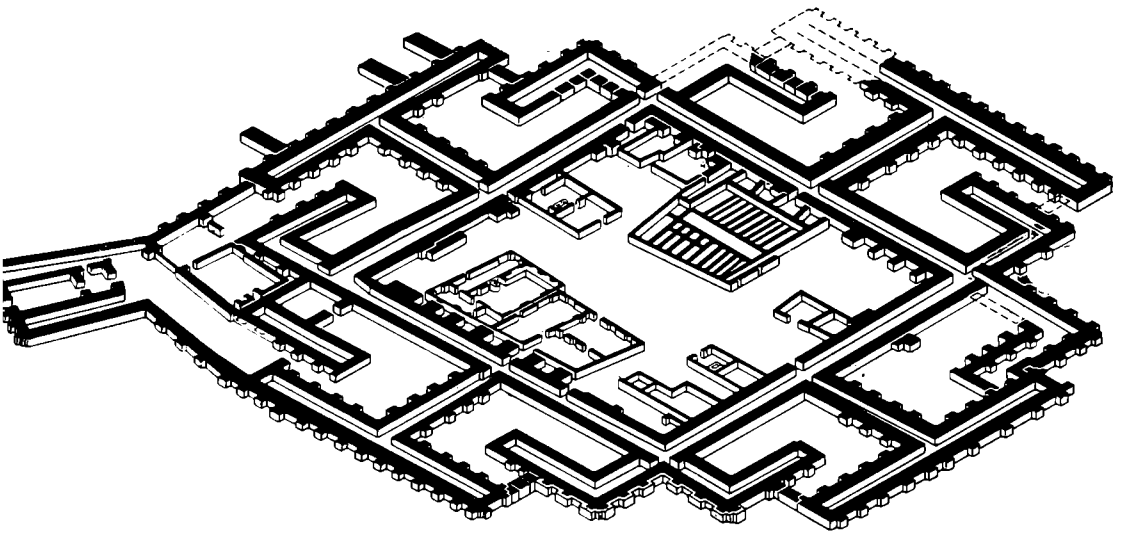
[20] *G. Gullini.* Struttura e Spazio nell' Architettura Mesopotamica Arcaica. «Mesopotamia», v. V—VI, 1970—1971. Torino, p. 190, 191, fig. C.

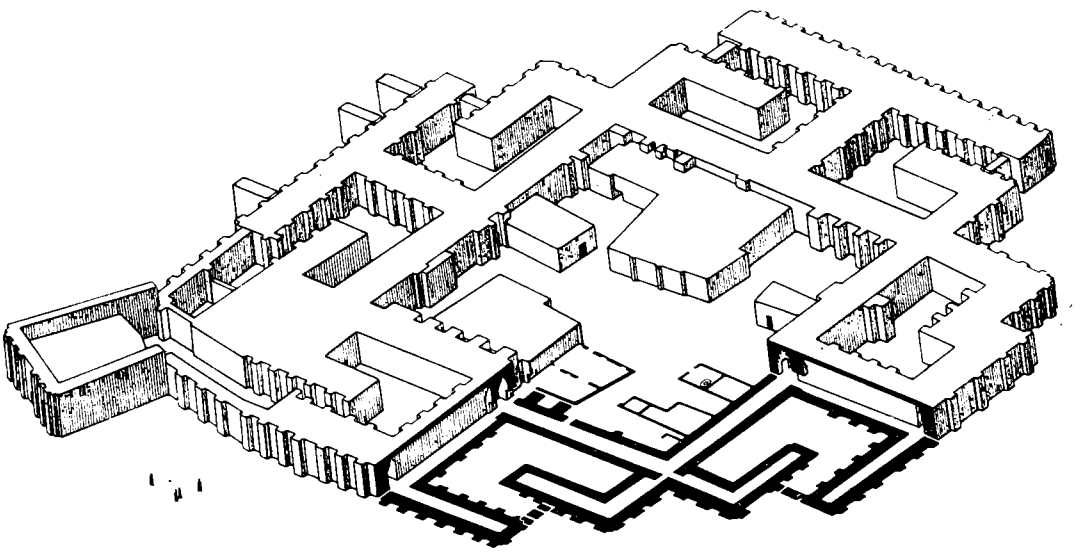
[21] *A. Moortgat.* Op. cit., p. 1—5.

[22] *R. Ghirshman.* Tchoga Zanbil. v. I. Paris, 1966, MDA en Iran, t. XXXIX, fig. 27.

[23] *E. Schmidt.* Persepolis, II, OIP, v. LXIX. Chicago, 1957.

1





2

Рис. 6а. Дашлы-3. Дворец: *1* — аксонометрия; *2* — вариант реконструкции (Я. М. Паромова)

Подводя итог рассмотрению монументальной архитектуры Бактрии в эпоху бронзы, можно утверждать, что, как и для месопотамской [24], для нее характерен строгий линейный ритм ниш и пилястр, создававший игру светотени и разбивавший однообразие плоскостей, отсутствие криволинейных элементов, сочетание плоских перекрытий со сводчатыми. Все это придавало зданиям особую торжественность, которой были лишены обычные частные дома. Думается, что основные планировочные принципы монументальной архитектуры Бактрии в конечном счете восходят к месопотамским, но, бесспорно, получившим местную переработку, что наиболее полно проявляется в четкой симметрии и поразительной однотипности каждой из сторон, фасирующих обширный внутренний двор.

Круглый храм и дворец не случайно располагались рядом, дополняя друг друга, они выполняли особые функции в общественной и культовой жизни местного населения. Как видно, уже в эпоху бронзы в Бакт-

[24] Всеобщая история архитектуры. М., 1970, т. 1, стр. 204.

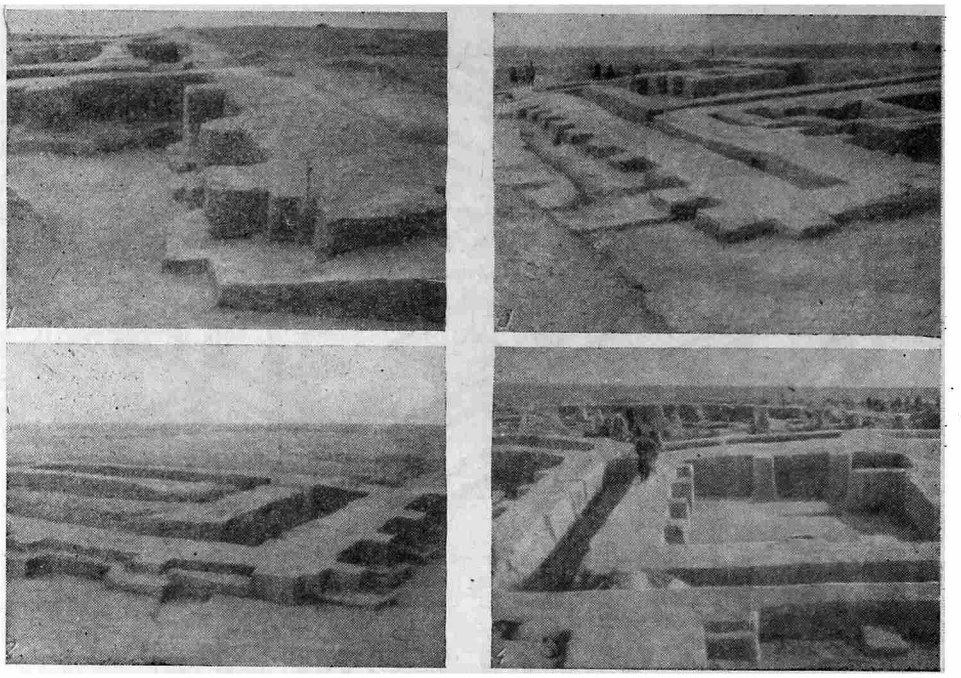


Рис. 7. Дашлы-3. Дворец: *1* — восточный угол; *2* — юго-восточный угол; *3* — южный фас; *4* — западный участок

рии сосуществуют два различных по архитектурному решению планировочных принципа: в основе одного лежит круг, в основе другого — квадрат.

Монументальная архитектура ахеменидской Бактрии. Первые памятники этого времени открыты САЭ в дашлинском (Алтын-10) и фарукабадском (Кутлуг-Тепе) оазисах. Холм Кутлуг-Тепе располагается на южной окраине огромного поселения ахеменидского времени. В древности на этом месте существовало небольшое естественное возвышение, на котором и было возведено основное здание, сохранившее по поверхности форму круга. Отмечается два строительных периода: первый (основной) и второй, когда внутри здания были встроены обычные жилые помещения (рис. 9, *3*). Следствием интенсивного обживания второго периода являются многочисленные хозяйственные ямы, прорезавшие основные полы; кроме того, внутренняя планировка претерпела большие изменения, так что, по-видимому, отдельные первоначальные стены вообще не сохранились к моменту раскопок.

К основному периоду относятся кольцевые стены, образующие две галереи со световыми амбразурами[25]. Галереи внутри не застроены и скорее всего являлись обводными коридорами с проходом в северной части. Из одной галереи в другую можно было попасть лишь через своеобразный вестибюль (п. 4), который ведет и в центральную часть всего сооружения. Обе галереи заключают внутри себя двор, в середине которого сохранилось длинное прямоугольное сооружение, частично застроенное поздними стенками. Выделяется помещение 6 с глубокими нишами в стене, белой обмазкой пола и остатками прямоугольного возвышения, предположительно алтаря.

Все сооружение окружено по периметру мощной стеной, образующей в плане пятигранник. Сразу же от подошвы ее начинается ров (средняя ширина около 12 *м* глубина около 5 *м*), вырытый в материке и заполненный к моменту раскопок чистым, надувным песком. Единственный

[25] Ср. аналогичные амбразуры на Годин-Тепе (*L. Levin.* The Iran Age Revealed, Expedition, v. 13. Philadelphia, № 3—4, p. 42).

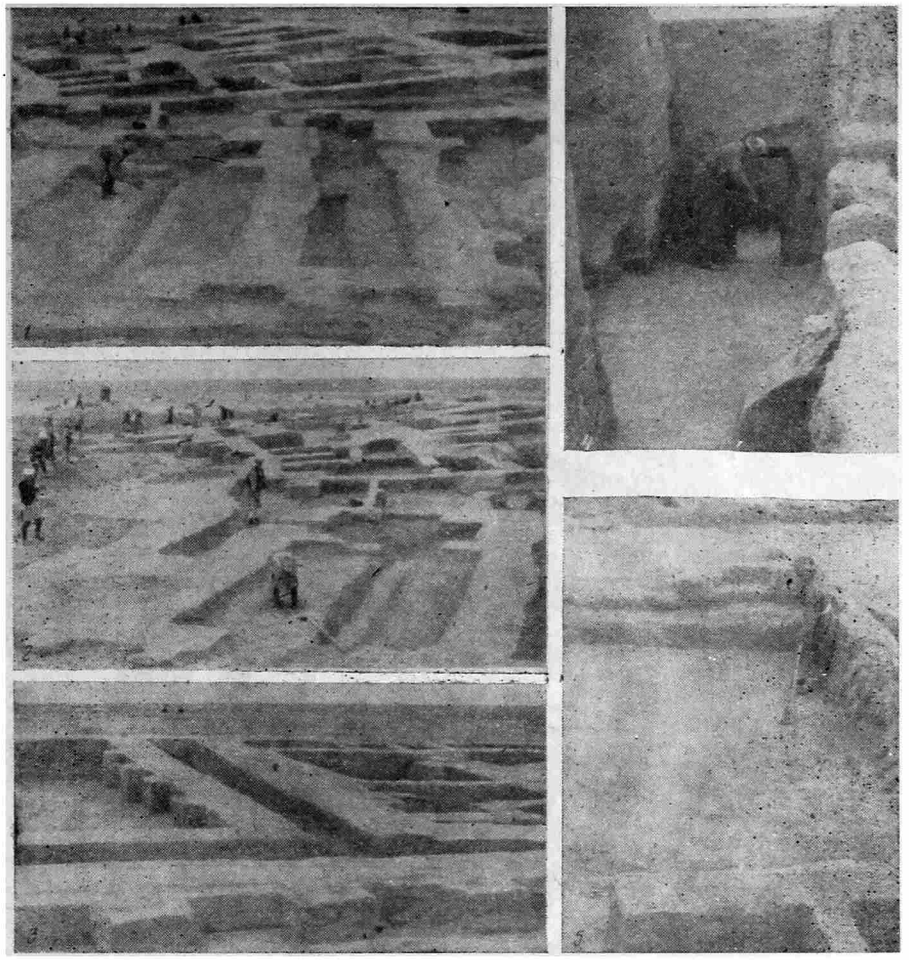


Рис. 8. Дашлы-3. Дворец: *1* — центральный въезд; *2* — общий вид западного фаса; *3* — общий вид южного фаса; *4* — проход обводного коридора; *5* — помещ. 50.

въезд в виде длинного отрезка нераскопанного такыра располагается в северном углу комплекса.

Не трудно заметить, что общий план Кутлуг-Тепе (рис. 9, *1, 2*) в своей основе достаточно близко перекликается с планом круглого храма с Дашлы-3. На это в первую очередь указывает сам планировочный принцип кольцевых коридоров, заключающих внутри себя прямоугольные помещения, в том числе особого назначения.

Кутлуг-Тепе явно продолжает архитектурные традиции, заложенные еще в эпоху бронзы, демонстрируя генетическую линию развития культовой бактрийской монументальной архитектуры (рис. 10). Уже отмечалась определенная перекличка планировочных решений круглого храма Дашлы-3 и античного храма-мавзолея Кой-Крылган-кала [26], так что Кутлуг-Тепе обнаруживает весьма ощутимые параллели с обоими этими памятниками и заполняет существовавший ранее хронологический разрыв между ними.

В связи с открытием Кутлуг-Тепе возникает еще один аспект исследования, связанный с вхождением Бактрии в Ахеменидское государство. Рядом специалистов высказывалось мнение, что в ахеменидской державе был распространен исключительно зороастризм, а все местные культы

[26] *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, 4, стр. 157.

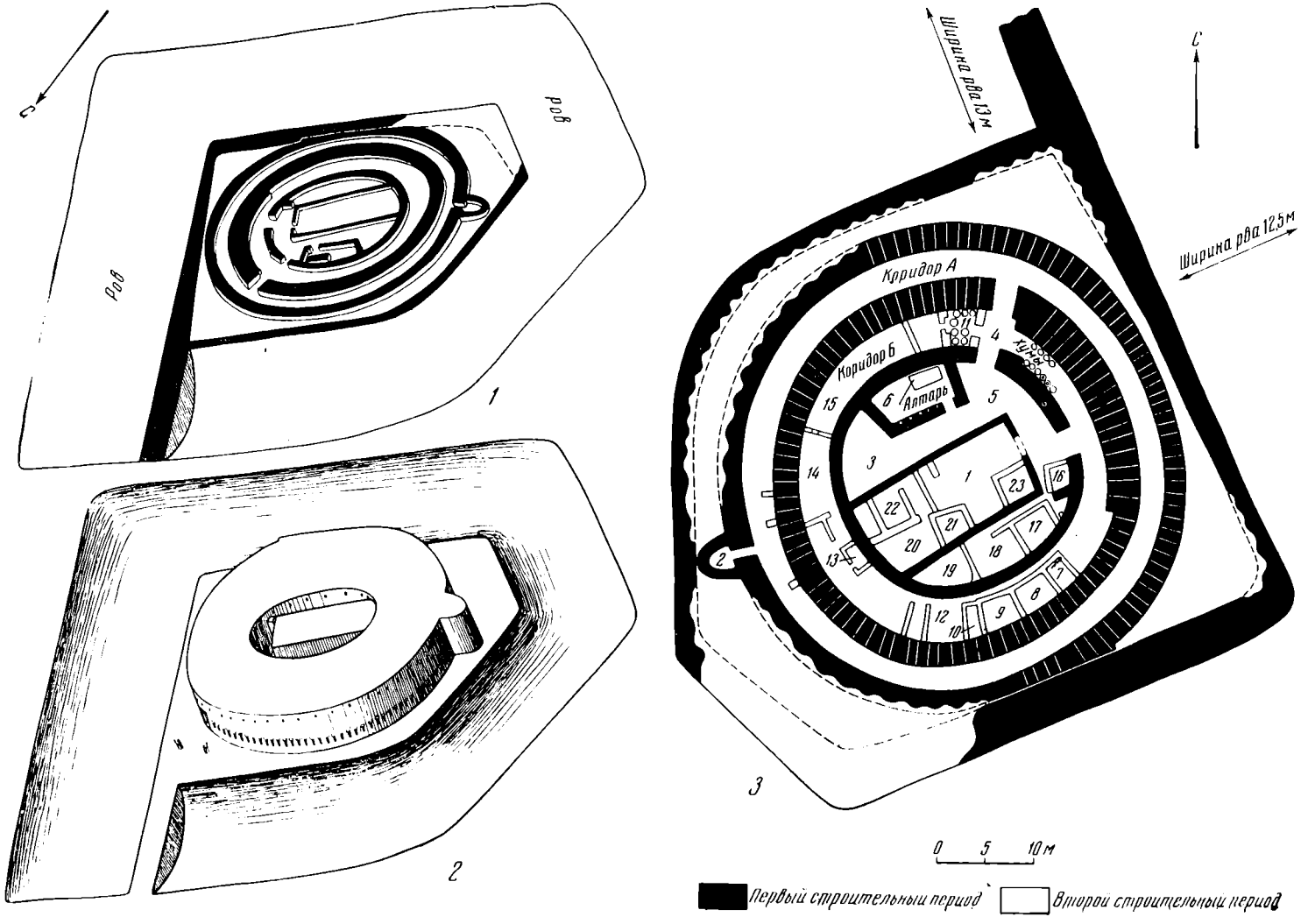


Рис. 9. Кутлуг-Тепе:
1 — аксонометрия;
2 — вариант реконструкции (Я. М. Паромова);
3 — общий план

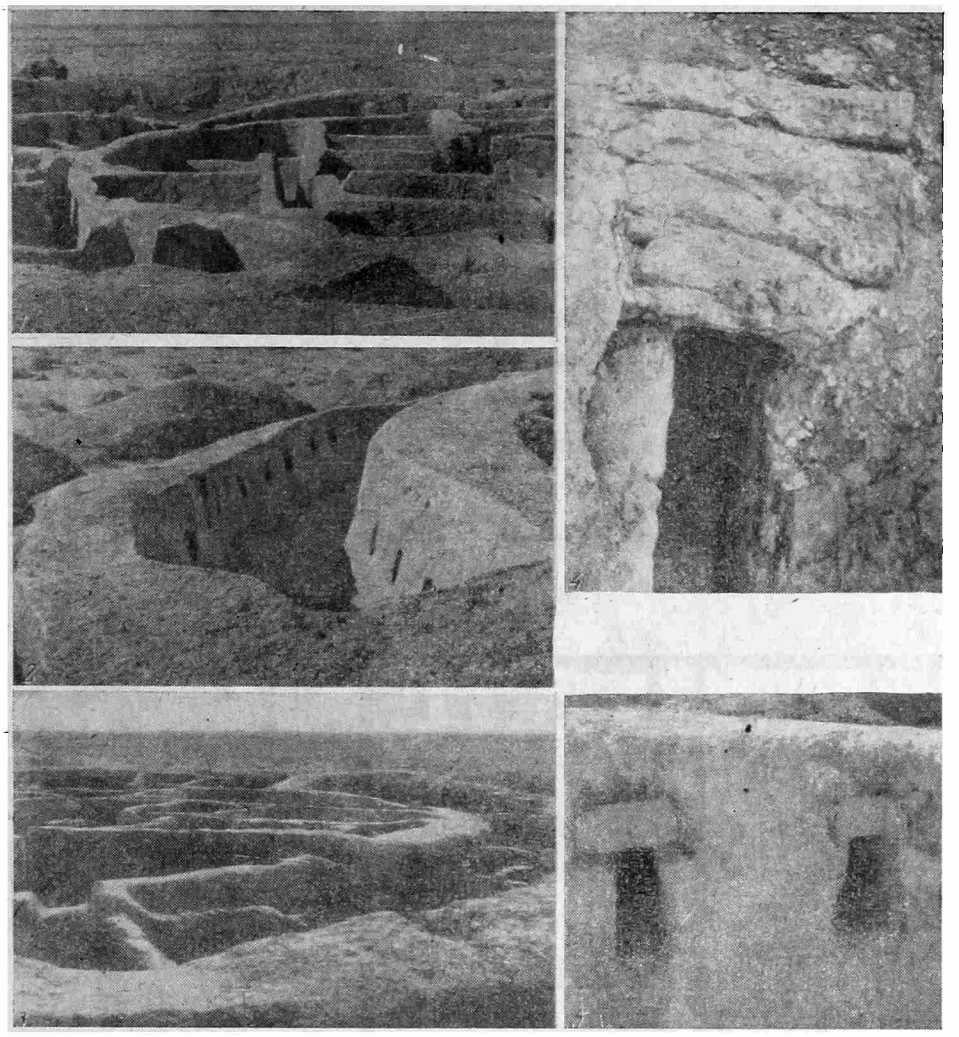


Рис. 10. Кутлуг-Тепе: *1* — вид с южной стороны; *2* — вид с восточной стороны; *3* — вид на центральную часть; *4, 5* — световые амбразуры

были запрещены. Однако М. А. Дандамаев показал, что наряду с поклонением Ахура Мазде иранское население, например, чтило и более древние, местные божества. Ахеменидские цари терпимо относились к религиям покоренных народов [27], что как будто находит свое косвенное подтверждение и на бактрийском материале.

Следующий монументальный комплекс, Алтын-10 находится в дашлинском оазисе и состоит из нескольких самостоятельных объектов, расположенных на окраине полуразвеянного поселения эпохи поздней бронзы.

Объект I представляет собой прямоугольное здание размером 80×55 *м*, сложенное сырцовым кирпичом (35×35×10 и 42×42×12 *см*). По всем четырем углам располагается по одному квадратному помещению с опорным столбом в центре; внешние углы помещений оформлены широкими пилястрами (рис. 11, *4*). Все здание делится посредине серией вытянутых в цепочку помещений, образующих вместе два обширных двора, оформленных с трех сторон кирпичными колоннами в виде своеобразных колоннадных портиков или айванов. Колонны поддерживали деревянную кровлю, которая таким образом охватывала крытым айваном оба двора со всех трех сторон (рис. 11, *5*).

[27] *М. А. Дандамаев.* Новые данные о религии в Персии на рубеже VI—V веков до н. э. ВДИ, 1974, 2, стр. 28—31.

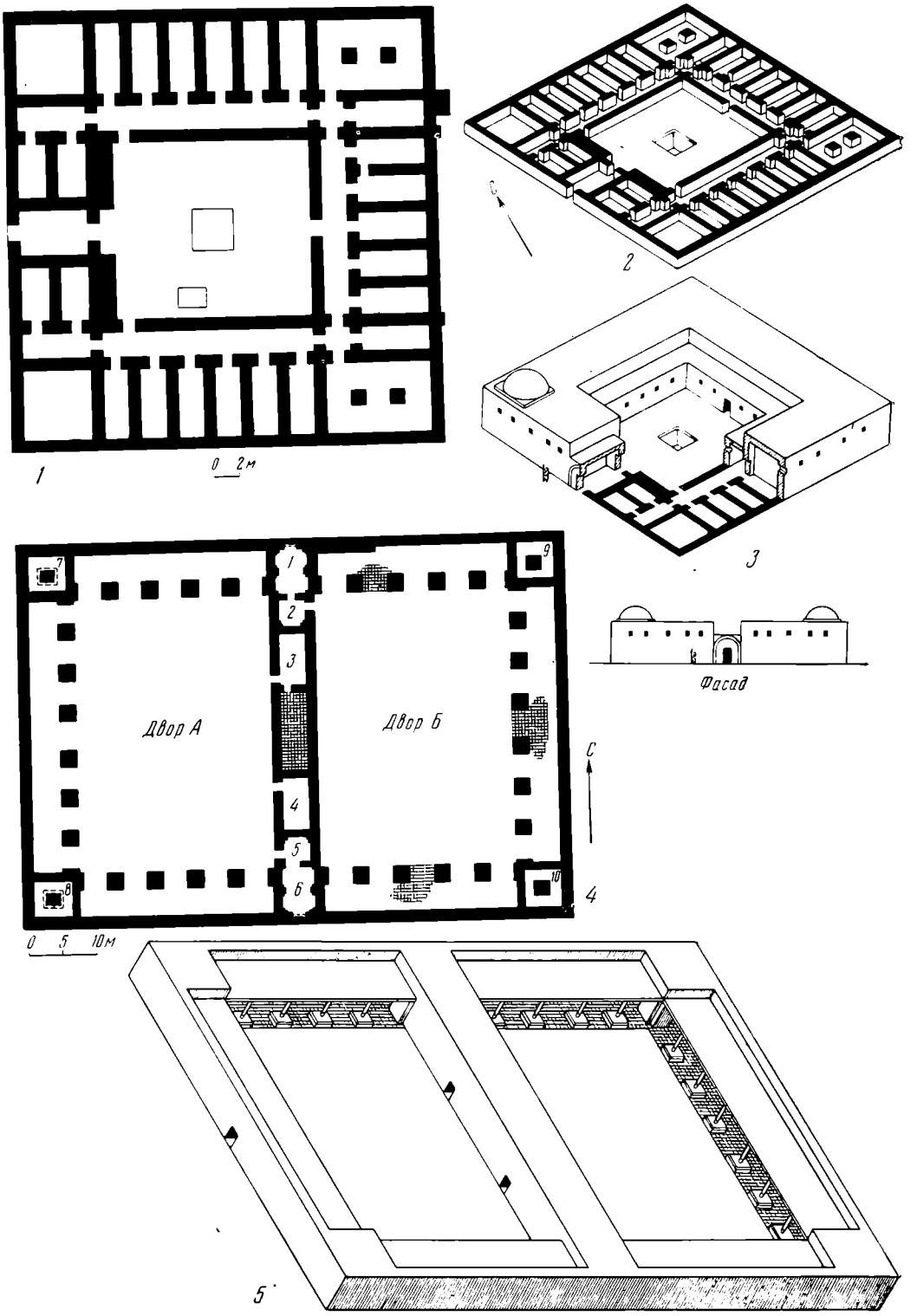


Рис. 11. Алтын-10: *1* — общий план объекта II; *2* — аксонометрия; *3* — реконструкция (Я. М. Паромова); *4* — общий план объекта I; *5* — реконструкция (Я. М. Паромова)

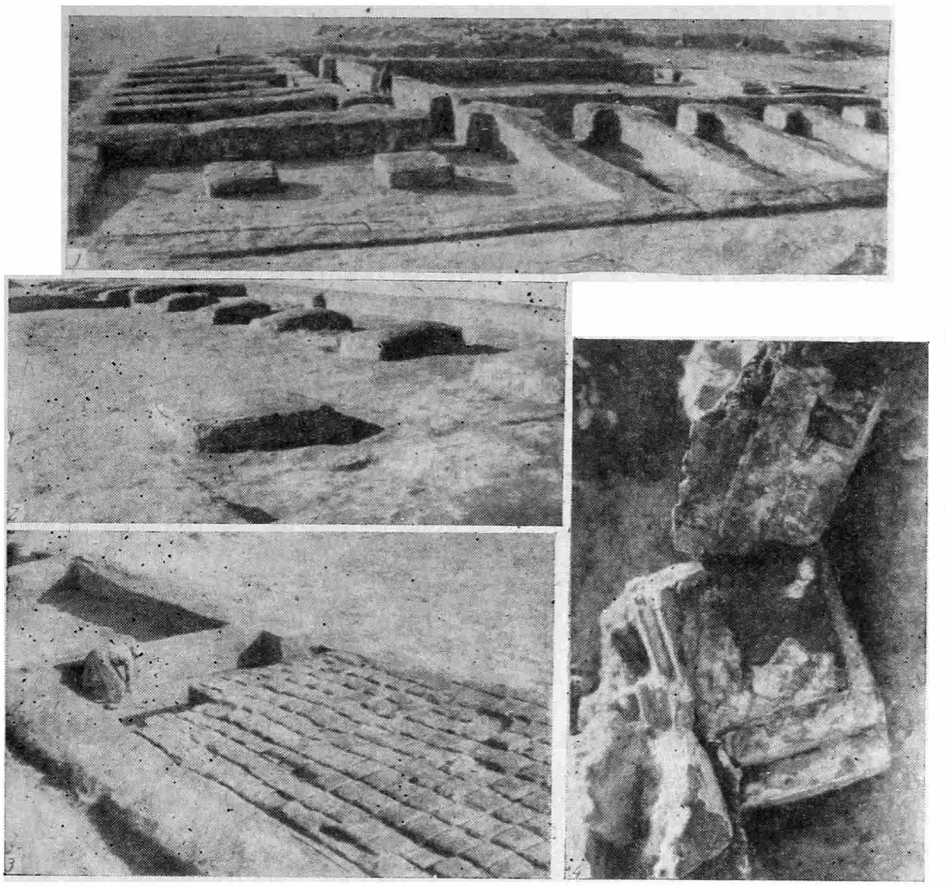


Рис. 12. Алтын-10: *1* — общий вид, на первом плане объект II, на втором плане объект I; *2* — объект I, остатки колонн; *3* — объект I, кирпичная платформа; *4* — объект II, глиняные алтарики

Упомянутая выше анфилада помещений (разделяющая два двора) состоит из центральной, прямоугольной формы «платформы», на которую ведет лесенка, по обе стороны от которой располагаются еще по два вытянутых помещения. Особый интерес вызывают два самых крайних помещения, с точностью копирующие друг друга. Интерьеры их имеют ниши, углы которых декорированы фигурными выступами.

Центральное место между обеими парами комнат (2, 3 и 4, 5) занимает «платформа» — вытянутое помещение, аккуратно заложенное внутри регулярной кладкой кирпича; сохранилось три ступени от лестницы, ведущей на ее верх. В таком случае не исключено, что на верху высокой кирпичной платформы могло находиться тронное место, как это, например, установлено для синхронного здания на Годин-Тепе в Иране [28].

Характерной особенностью вскрытого здания являются следы воздействия сильного огня, отмеченные внутри многих помещений, и особенно вдоль портика-айвана, свидетельствующие о гибели всего здания в результате пожара.

Раскопанное здание представляет собой, по-видимому, сооружение типа летнего дворца, на что указывает минимальное количество помещений в сочетании с обширными открытыми дворами (рис. 12, *1—3*).

Следующий объект, II располагается рядом с описанным выше и представляет собой небольшой холм, где раскопки выявили квадратное здание (размером 36×36 *м*), сложенное сырцовым кирпичом (43×43×12 *см*). По четырем углам его располагаются обширные помещения, из которых 8 и 30 — прямоугольной конфигурации, с двумя опорными столбами внут-

[28] *T. C. Young, H. Weiss.* The Godin Project: Godin Tepe. Iran, XII, 1974, p. 210.

ри; два других угловых помещения, 15 и 23 почти квадратные, но меньших размеров. Ряд косвенных наблюдений дает право предполагать проходы, некогда соединявшие помещения 15 и 23 с прилегающими коридорами (по аналогии с п. 8 и 30, соединяющимися с обводным коридором).

Между угловыми комнатами располагаются длинные узкие помещения, входы которых ведут соответственно в северный, восточный и южный обводные коридоры. Вдоль северного и южного фаса располагаются по шесть таких узких помещений, по восточному — семь. В середине внешней западной стены имеется вход, ведущий в вестибюль 19 и затем во внутренний двор. По обе стороны от вестибюля располагаются по три взаимосвязанных узких помещения (соответственно 16, 17, 18 и 20, 21, 22), возможно сообщавшихся общими проходами с угловыми постройками 15 и 23.

Как видно, все помещения имеют проходы, ведущие в обводной коридор, который в свою очередь охватывает с трех сторон обширный внутренний двор. Обводной коридор соединяется с внутренним двором тремя проходами, один из которых расположен в центре восточного коридора, а два других — в западных углах северного и южного коридора. Строго в центре внутреннего двора устроен бассейн (размером 3,5×3,5 *м*), около южного коридора имеется второй бассейн, но более поздний. Все помещения, исключая дворы, изнутри имеют алебастровую обмазку.

В системе раскопанного здания выделяется угловое помещение 8, культурное заполнение которого резко отлично от всех остальных. Здесь на самом полу находится слой золы толщиной до 8—10 *см*, а прилегающая часть стены сильно закопчена поверх алебастровой обмазки. Выше, до самой дневной поверхности, обнаружен сплошной завал глиняных «кессонов» или «алтарей», представляющих собой квадратные в основании (32×32 *см*) трехступенчатые пирамидки, изготовленные из тонкоотмученной глины с примесью самана; поверхность их сплошь покрыта тонким слоем белого алебастра (рис. 12, *4*).

В общем виде исследуемое сооружение реконструируется как небольшое здание, организующим центром которого является внутренний двор с бассейном. Ряд поразительно однотипных помещений, идущих вдоль всех трех сторон, ограничен со стороны двора обводным коридором. В таком случае свет в эти помещения попадал со стороны внешней стены, где могли быть устроены окна. В свою очередь обводной коридор мог освещаться световыми люками со стороны двора. Вход, располагавшийся на западном фасе, имел по обе стороны предвратные комнаты; угловые помещения этого же фаса без опорных столбов, видимо, имели купольные перекрытия. Это могло быть здание типа зимнего дворца, где пребывал местный правитель небольшого укрепленного городка Алтын-1, расположенного в 2 *км* к югу от Алтын-10. Преимущественно светское назначение комплекса на Алтын-10 не исключает и культового его значения, когда отдельные помещения могли использоваться в качестве домашних святилищ, косвенным свидетельством чего могут являться ступенчатые «алтарики».

От следующего сооружения (объект III), расположенного в нескольких метрах к югу от объекта I, сохранились лишь следы трех обширных помещений; остальная часть полностью развеяна процессами дефляции. Наконец, к западу от объекта II находилось еще какое-то сооружение, от которого сохранились лишь обрывки стен в виде основной длинной стены, от которой в обе стороны отходят короткие поперечные стеночки.

Если сравнить общую планировку объекта II Алтын-10 с дворцово-культовым сооружением Дашлы-3, то нетрудно отметить вполне очевидные линии связей. В первую очередь это проявляется в самом планировочном принципе, когда организующим центром является почти квадратный двор, сообщающийся проходами с обводным коридором. Сближает их и строгая симметрия общего плана, построенная на пересечении прямых

линий с четко выдержанными пропорциями. Вместе с тем налицо и новшества, отражающиеся в полном отказе от пилястр как декоративного элемента: на Алтын-10 ровные плоскости стен становятся господствующими в общей композиции здания. Ритм и симметрия — вот что теперь становится характерным для бактрийского зодчества.

Еще больше новшеств демонстрирует летний дворец на Алтын-10, что проявляется как в самой планировке, так и устройстве колоннадных портиков-айванов. Но и здесь все еще чувствуются глубоко местные традиции бактрийского зодчества, что наглядно видно на примере оформления интерьеров ряда комнат фигурными нишами, прямо напоминающими аналогичные приемы декорировки особых помещений зданий Дашлы-3.

Установленный факт почти тысячелетней преемственности в развитии монументальной архитектуры Бактрии не следует рассматривать только как чисто локальное явление. Напротив, в середине I тысячелетия до н. э. архитектура Бактрии демонстрирует все большую близость с сооружениями ахеменидского Ирана, и в первую очередь с монументальными зданиями Дахани Гуламан (особенно с так называемым священным зданием) [29]. Руководитель раскопок У. Шеррато склонен рассматривать все здание как храм огня, отмечая вместе с тем, что подобного рода здания не известны ни раньше, ни позже на территории Ирана [30].

В свою очередь К. Шиппман, оговаривая уникальность этого здания, предлагает три варианта решения: 1) это не храм огня, 2) храм огня, но не зороастрийский, 3) наряду с культом огня могли осуществляться и другие культы [31].

Независимо от подлинного назначения отметим общую близость планировочных решений здания 3 Дахани Гуламан и объекта I с Алтын-депе. В обоих случаях налицо обширные дворы с колоннадными портиками, угловыми помещениями и разделение двора на две части. Вместе с тем наряду с общими сходными признаками имеются и более частные отличия, что особенно четко видно на примере усложненного плана Дахани Гуламан [32].

Среди других сооружений Дахани Гуламан наибольший интерес представляет здание 15. Это было почти квадратное сооружение с примерными размерами 50×50 *м*. В центре его находится обширный двор, образованный симметрично расположенными, очень узкими помещениями по семь с каждой стороны; наконец, по всем четырем углам находилось по одному угловому помещению. Хотя и в упрощенном виде, но планировка здания 15 достаточно близко перекликается с объектом II на Алтын-10 [33]. Это сходство усиливается находкой в другом здании (дом 6) трехступенчатого алтаря, с точностью копирующего вышеописанные «алтари» с Алтын-10 (небольшое отличие заключается лишь в углублении на верхней плоскости сеистанского экземпляра).

Таким образом, перед нами очевидная перекличка сооружений особого назначения Бактрии и Драгианы. Вместе с тем нет никаких оснований усматривать прямую связь между этими конкретными комплексами, так как отмечена определенная планиметрическая перекличка между зданием 3 с Дахани Гуламан и ахеменидскими сооружениями Фарса и в особенности Персеполя [34], причем акрополь в Сузах с обширными колоннадными дворами и особенно угловыми залами близко напоминают плани-

---

[29] *U. Scerrato.* Excavations at Dahan-i-Ghulaman (Seistan-Iran), First Preliminary Report (1962—1963). EW, v. 16, № 1—2, 1966, p. 9—30.

[30] *U. Scerrato.* Opt. cit., p. 16, 17.

[31] *K. Schippman.* Op. cit., p. 55.

[32] Кстати, отметим, что хорошая сохранность колонн позволила установить арочные перекрытия портика здания 3 (*U. Scerrato.* Op. cit., fig. 11), что дает основание предполагать существование аналогичной конструкции для колонн объекта 1 на Алтын-10.

[33] *U. Scerrato,* Op. cit..., fig. 2.

[34] Ibid., p. 15.

ровочные решения как Дрангианы, так и Бактрии [35]. Как видно, налицо достаточно широкое распространение в целом однотипных зданий «официального» назначения, хотя, конечно, периферийные здания далеко уступали по всем другим параметрам столичному Персеполю. При всем том истоки ахеменидского зодчества уходят в глубокую древность, к памятникам типа дворца Дашлы-3 и другим, еще не открытым, но подобным сооружениям, в том числе и на территории древнего Ирана. Все сказанное не исключает, а, наоборот, предполагает местные, региональные архитектурные традиции. Существовали свои локальные традиции и в других регионах, и в частности в иранском Сеистане, что, например, усматривается в наличии сводчатых перекрытий в Дахни Гуламан [36].

Но бесспорно, особого значения заслуживает (независимо от уточнения их назначения) общественно социальный аспект подобных сооружений. Расположенные далеко от Персеполя, на окраине ахеменидской империи комплексы сооружений типа Дахани Гуламан и Алтын-10 открывают новую главу в истории изучения периферийных сатрапий. Очевидно, что политическим и административным центром являлся комплекс сооружений на Алтын-10, который вместе с рядом расположенным укрепленным городком Алтын-1 составлял центр всего алтынского оазиса ахеменидского периода.

V. I. Sarianidi

EDIFICES D'ARCHITECTURE MONUMENTALE EN BACTRIANE

Résumé

Les fouilles entreprises dans le nord de l'Afghanistan (en Bactriane) ont mené à la découverte des grandioses constructions d'un temple-palais. Ainsi, dans le secteur Dachly-3, côte, à côte, se trouvent un édifice rond — probablement un temple du feu (fig. 1-3),— et le palais, sur les ruines duquel s'est édifié plus tard un simple village (fig. 4). Ces deux monuments appartiennent à l'époque du bronze (milieu du IIe millénaire av. n. é.), et étaient apparemment le centre administratif et religieux de tout l'oasis de Dachly.

A la période achéménide appartient l'édifice rond de Koutloug-tépé, entouré d'un fossé possédant un unique passage (fig. 9-10). Dans le secteur Altynn-10 se trouve un ensemble de constructions monumentales, dont deux ont été dégagées. On suppose que l'édifice I était le palais d'été (fig. 11-12), tandis que l'édifice II est conventionnellement désigné comme étant le palais d'hiver. On est arrivé à la conclusion qu'il existait une école d'architecture monumentale spéciale en Bactriane, dont les traditions connurent une évolution étalée sur un millénaire. Les parallèles les plus frappants de cette antique école d'architecture de Bactriane sont offerts par les monuments de Mésopotamie; ceci, cependant, concerne certains détails, et non le plan dans son ensemble. Les traditions qu'on peut observer dans les édifices cultuels de l'Age du Bronze (Dachly-3) jusqu'à l'époque achéménide (Koutloug-tépé) sont susceptibles de refléter la continuité des conceptions religieuses. Le rattachement de l'antique Bactriane à l'Etat achéménide ne signifiait pas que le zoroastrisme devait immanquablement supplanter les cultes locaux, qui ont pu exister jusqu'à l'époque de l'Antiquité.

---

[35] У. Шеррато усматривает предпочтительную близость здания 3 с Персеполем, а не Пасаргадами в первую очередь из-за своего квадратного, а не прямоугольного общего плана, однако в Алтын-10 имеются оба типа сооружений.

[36] *U. Scerrato.* Op. cit., p. 16. В настоящее время ложносводчатые перекрытия, по крайней мере узких коридоров, известны для мидийского времени (Нуши Джан) и эпохи бронзы (дворец Дашлы-3).